

© 1998 г. Д.О. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

**НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА
ВО ФРАЗЕОЛОГИИ (II)**

1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Настоящая работа является продолжением опубликованной ранее статьи [Добровольский 1997]. Прежде чем перейти к обсуждению вопросов, которым посвящена данная работа, напомним в тезисной форме ход предшествующих рассуждений.

Характерные для традиционных исследований в области фразеологии утверждения, что идиомы, якобы, изначально наделяются некоторой национально-культурной спецификой, представляются весьма спорными. Отсутствие серьезных попыток определить понятие национально-культурной специфики в собственно лингвистических терминах¹ затрудняет использование этой категории при описании плана содержания лексических единиц (как слов, так и фразеологизмов).

Целесообразно выделить два принципиально различных понимания национальной специфики. В первом случае национально-культурная специфика некоторого явления данного языка определяется относительно некоторого другого языка. Такой подход может быть назван сравнительным или сопоставительным. Важно оговорить, что культурно значимыми оказываются не все межъязыковые различия, а лишь те из них, которые являются неслучайными и имеют культурно обусловленные причины и/или культурно значимые следствия. Во втором случае речь идет о представлениях носителей языка о национальной маркированности тех или иных единиц своего языка вне сопоставления с другими языками. Такой подход может быть с известной долей условности назван интроспективным.

Примерами культурно-специфических единиц, выделяемых в рамках сопоставительного подхода, могут служить японские идиомы, содержащие число 'восемь' в его символическом прочтении, схожем по функции с числом 'семь' в ряде других языков; например, *happo fusagari* ("закрыто на восемь сторон") 'положение безнадежно'. Эти различия могут рассматриваться как культурно обусловленные, так как они объясняются ролью числа 'восемь' в синтоизме [Dobrovolskij, Piirainen 1997]. Ср. также употребление числа 'девять' в английской фразеологии: *to be on cloud nine* (букв. "быть на девятом облаке" = русск. *быть на седьмом небе*). Роль концепта 'девять' в английской фразеологии объяснима значением этого понятия в древнегерманской культуре.

Национально-культурная специфика в ее "интроспективном" варианте должна проявляться в наличии ограничений на употребление, не связанных с собственно семантическими параметрами. Ср., например, контекст (1), содержащий модифицированный вариант идиомы *это тебе! вам не у Пронькиных (чай пить)* (кстати, не представленной ни в одном из известных фразеологических словарей).

- (1) Тот, кто думает, что иностранным туристам в одноименном отеле живется легко и привольно, ошибается. Нет, конечно, в "Интуристе", именуемом в рекламных целях "вашим русским домом на время пребывания в Москве", есть все

¹ Ср. рассмотрение национально-культурной специфики идиом с позиций установок "практической филологии" в [Телия 1996: 214–258].

необходимое для того, чтобы иностранец понял, что живет *не у Пронькиных*. А именно: казино "Габриэла", испанский бар "Осборн", китайский и мексиканский рестораны и еще несколько точек культурного досуга и рационального питания. ["Столица"]

Трудно себе представить, что эта идиома могла бы быть употреблена в контексте описания парижских или лондонских гостиниц. Подобные идиомы неуместны также в переводах художественных текстов, особенно в прямой речи персонажей (ср. сходные рассуждения в [Eismann 1995: 101]). В статье [Segura Garcia 1997: 224], посвященной анализу переводов произведений Марио Варгаса Льосы на немецкий язык, указывается на невозможность перевести распространенную в перуанском варианте испанского языка идиому *el chino de la esquina* ("китаец на углу") 'маленький продовольственный магазин традиционного типа' с помощью семантически эквивалентной немецкой идиомы *Tante-Emma-Laden* ("лавка тети Эммы").

Интроспективный подход основан на представлении о наличии "имманентных" национально-культурных характеристик безотносительно к специфике других языков и культур. Исследовательские эвристики в этой области должны, по-видимому, апеллировать в первую очередь к психолингвистическим методам. Задача исследования формулируется как поиск ответа на вопрос, в чем состоит национальная специфика данного языка глазами его носителей. Наиболее адекватными исследовательскими приемами представляются опрос информантов и различные тесты, направленные на выяснение отношения носителей языка к соответствующим лингвистическим фактам (как к отдельным идиомам, так и к контекстам их употребления типа (1)). Например, сигналом наличия "имманентной" национальной специфики может быть мнение о неуместности в устах иностранца высказывания, содержащего соответствующую идиому. Показательны также наблюдения над речью носителей языка, в частности употребление ими метакоммуникативных "ограничителей" типа *как говорят в народе*, что может свидетельствовать о национальной маркированности предваряемой таким образом языковой структуры.

Явления, отобранные в качестве специфических на основе сопоставительного подхода, отличаются от явлений, выделенных на основе интроспективного подхода, не только "точкой отсчета", задающей критерии их выделения, но и рядом существенных характеристик. При сравнительном анализе решающим параметром оказывается возводимость наблюдаемых межъязыковых различий к специфике соответствующих культур, в то время как интроспективный подход предполагает обращение к интуиции носителей языка, характеризующих некоторые явления как "свои и только свои", то есть сугубо национальные. Исходя из этого, в дальнейшем мы будем говорить преимущественно о национальной специфике применительно к кругу явлений, выделяемых на основе интроспективного подхода, и о культурной специфике применительно к сопоставительному подходу. Поскольку сопоставительный подход уже был описан в [Добровольский 1997], в дальнейшем изложении целесообразно сконцентрироваться на особенностях интроспективного подхода.

2. ИНТРОСПЕКТИВНЫЙ ПОДХОД

В каждом языке существуют, по-видимому, фразеологизмы, которые воспринимаются носителями этого языка как "свои и только свои". Определение корпуса подобных фразеологизмов и анализ их отличительных черт представляется вполне осмысленной исследовательской задачей. Как уже было сказано выше, для ответа на вопрос, какие фразеологизмы оцениваются носителями языка как специфичные для их национальной культуры, наиболее целесообразно обратиться непосредственно к языковой интуиции говорящих. Ниже приводятся результаты двух экспериментов², кото-

² За помощь в проведении опроса информантов автор благодарит студентов Саарбрюккенского университета – участников семинара по немецкой фразеологии 1992 и 1995 годов.

рые в силу ограниченности языкового материала и числа опрошенных, естественно, не могут претендовать на статус серьезных выводов, но позволяют тем не менее сформулировать некоторые гипотезы.

Суть этих гипотез сводится к следующему: для интуитивного восприятия фразеологизма как национально специфического наиболее значимыми моментами оказываются особенности его формальной организации³. В качестве таких особенностей, с одной стороны, могут выступать факторы осложнения формы (рифмирование, звуковое подобие и т.п. – *авось да небось, сами с усами, тишь да гладь (да божья благодать), ни кола ни двора; куда ни кинь, всюду – клин; огород городить*; ср. подробнее [Dobrovolskij 1995: 36; Баранов, Добровольский 1996: 59]), а с другой – определенная маркированность отдельных компонентов фразеологизма. Сюда относятся, в частности, наличие в структуре фразеологизма национальных имен собственных и их производных (*во всю ивановскую, коломенская верста, показать кузькину мать, шемакин суд*)⁴, персонажей "народной мифологии" (*к лешему*), слов-реалий (*в белый свет как в копеечку, моя хата с краю*), архаичных компонентов (*бить челом*) – в особенности, если они не встречаются за пределами компонентного состава идиом и паремий, то есть являются уникальными (*за тридцать земель, змея подколотная, турусы на колесах*). Сюда же относятся идиомы с нестандартными морфологическими формами компонентов. Употребление этих форм может быть основано на языковой игре (ср. с *таким* в контекстах типа *Конфеты кончились, и пришлось пить чай с таким*), на сознательном искажении формы (ср. идиому *ни туды и ни сюды*, производную от идиомы *ни туда и ни сюда*, которая не обладает соответствующими коннотациями). Наконец, нестандартность морфологической формы компонента может объясняться ее архаичностью (*ничтоже сумняшеся, темна вода во облацех*).

Как это ни парадоксально звучит, носители языка склонны считать "исконно народными" (то есть в высокой степени "своими") единицы, содержащие не вполне понятные элементы, причем часто эти элементы не являются этимологически исконными (например, *ни бельмеса не понимать, сбить с панталыку*). Это явление, по-видимому, сродни "процессу сакрализации непонятных текстов", о котором писали Ю.М. Лотман и А.М. Пятигорский [Лотман, Пятигорский 1992: 136].

Обратимся к результатам опросов.

2.1. ДАННЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТОВ

В первом эксперименте участвовали 60 носителей немецкого языка в возрасте от 14 до 26 лет. Испытуемые должны были ответить на вопрос, какова была бы их реакция на употребление иностранцами перечисленных ниже идиом.

- (2) *rutsch mir doch den Buckel runter!* ("соскользни с моего горба!") 'выражение говорящим сильного желания прервать любое взаимодействие с партнером по коммуникации';
- (3) *Hansdampf in allen Gassen* ("Ганс-дым во всех переулках"; *Hansdampf* – уникальный компонент) 'лицо (преимущественно, мужского пола), проявляющее чрезмерную активность и претендующее на осведомленность во всех областях';
- (4) *jmdn. in die Mangel nehmen* ("взять кого-л. в гладильный пресс"; *Mangel* – слово, в этом значении вышедшее из активного употребления) 'заставить кого-л. нести ответственность за совершенные им поступки, используя как дозволенные, так и недозволенные приемы';

³ Нестандартность плана выражения фразеологизмов в принципе может выступать как смысловой фактор, оказывая влияние на их употребление. В контексте решения этих задач на это обратил внимание А.Д. Райхштейн [Райхштейн 1980: 50].

⁴ Это касается также и личных имен, связанных с национальной историей, ср. *как Мамай прошел, мамаяво побойще*.

- (5) *da fliegt dir doch das Blech weg* ("так у тебя и жесть/жестянка улетит") 'выражение крайнего удивления по поводу неожиданно открывшихся свойств объекта или ситуации';
- (6) *mit leeren Händen dastehen* ("стоять с пустыми руками") 'не достичь желаемого результата';
- (7) *in einem Boot sitzen* ("сидеть в одной лодке") 'быть связанными общими интересами, из чего следует необходимость солидарных действий';
- (8) *das ist nicht mein Bier* ("это не мое пиво") 'это не мое дело';
- (9) *viel auf dem Kerbholz haben* ("иметь много отметок на бирке" – восходит к принятому в старину способу отмечать долги; *Kerbholz* – уникальный компонент) 'совершить поступки, ущемляющие интересы других лиц, и грозящие субъекту серьезными неприятностями'.

Предлагались 7 вариантов ответа:

- [1] совершенно нормально;
- [2] вызывает восхищение;
- [3] я бы не заметил;
- [4] нарушило бы ход коммуникации;
- [5] странно;
- [6] как будто заучено наизусть;
- [7] неестественно.

Варианты ответа формулировались таким образом, чтобы по возможности свести к минимуму роль случайных факторов. Некоторые формулировки сознательно дублируют друг друга, что позволяет усмотреть определенные тенденции в оценке каждой из предлагаемых идиом даже в случае существенного разброса реакций. Так, выражения [1] "совершенно нормально" и [3] "я бы не заметил" по сути синонимичны, а реакции с [4] по [7] в разной форме указывают на то, что информант оценивает употребление соответствующей идиомы как неуместное.

При ответе допускалось использование одновременно нескольких вариантов. Полученные ответы представлены в следующей таблице:

	[1]	[2]	[3]	[4]	[5]	[6]	[7]
(2)	17	4	6	7	14	4	8
(3)	0	16	1	2	10	11	20
(4)	9	19	5	1	11	8	7
(5)	2	3	1	6	10	8	30
(6)	20	18	12	0	2	5	3
(7)	13	19	9	1	7	6	5
(8)	14	14	11	3	7	6	5
(9)	6	20	4	1	4	12	13

Наиболее негативными реакциями являются варианты ответа [4–7]. Ответ [2] амбивалентен, так как, будучи положительным с формальной точки зрения, свидетельствует тем не менее о том, что употребление соответствующей идиомы иностранцем в некотором смысле нарушило бы ход естественной коммуникации. Таким образом, только варианты ответа [1] "совершенно нормально" и [3] "я бы не заметил" могут квалифицироваться как собственно положительные реакции. Причиной негативной реакции на употребление той или иной идиомы может быть не только представление о том, что она обладает яркой национальной спецификой, но и ее стилистическая маркированность. Неудивительно поэтому, что ни одна из предложенных идиом не была оценена как абсолютно допустимая в устах иностранцев. Меньше всего положительных реакций получили идиомы (3) и (5), далее следуют (9) и (4). Из этих

четырёх идиом три ((3), (4) и (9)) содержат уникальный или квазиуникальный компонент, кроме того, в идиоме (3) присутствует типично немецкое личное имя *Hans*. Таким образом, результаты проведенного опроса позволяют сделать допущение о релевантности наличия в структуре идиомы уникальных компонентов и/или национально маркированных имен собственных.

Результаты, полученные в ходе второго эксперимента, согласуются с этим предположением. Суть эксперимента сводилась к следующему: 15 немецких идиом самых различных структурных и функционально-семантических типов были предъявлены 186 носителям немецкого языка. Опрошенные должны были, согласуясь со своей интуицией, распределить эти идиомы по двум рубрикам: (а) "сугубо немецкие" единицы, предположительно не имеющие коррелятов в других языках и культурах, и (б) "нейтрально-интернациональные" единицы. Следующие идиомы информанты существенно чаще включали в рубрику (а):

- (10) *klipp und klar* ("коротко и ясно"; *klipp* – уникальный компонент; оба знаменательных компонента связаны по форме аллитерацией);
- (11) *Hinz und Kunz* ("всякий встречный-поперечный"; *Hinz* и *Kunz* – уникальные компоненты, представляющие собой устаревшие краткие формы личных имен *Heinrich* и *Konrad* и находящиеся в отношении звукового подобия);
- (12) *grinsen wie ein Honigkuchenpferd* ("ухмыляться как пряничная лошадка"; *Honigkuchenpferd* – квазиуникальный компонент – сложное слово, состоящее из *Honigkuchen* 'медовый пряник, коврижка' и *Pferd* 'лошадь' и визуализированное только как компонент данного сравнительного оборота);
- (13) *dummer August* ("глупый Август"; *August* – традиционное – сегодня практически вышедшее из употребления – личное имя) 'клоун, шутник';
- (14) *ab nach Kassel* ("прочь, в Кассель!" – во время войны североамериканских колоний Англии за независимость Кассель был сборным пунктом немецких рекрутов, проданных Англии немецкими князьями) 'обращенное к партнеру по коммуникации требование как можно быстрее покинуть данное место';
- (15) *ausgehen wie das Hornberger Schießen* ("заканчиваться как хорнбергская стрельба"; в основе внутренней формы лежит легенда о несудачной попытке устроить салют в честь прибытия курфюрста в Хорнберг) 'заканчиваться неудачей'.

Релевантность наличия уникальных компонентов и приемов осложнения формы для отнесения идиомы к национально маркированным единицам особенно наглядно подтверждается противопоставлением квазисинонимичных идиом *klipp und klar* и *kurz und bündig*. Содержащая уникальный компонент и аллитерацию идиома *klipp und klar* была включена в рубрику (а) 109 опрошенными, при том, что 77 опрошенных отнесли ее к рубрике (б). В отношении идиомы *kurz und bündig* голоса информантов распределились следующим образом: (а) 76, (б) 110.

Эти наблюдения частично согласуются с данными психолингвистических экспериментов, описанных в работах [Cacciari, Glucksberg 1991; Cacciari, Rumiati, Glucksberg 1992] и позволяющих утверждать, что образы, вызываемые идиомами в сознании носителей языка, базируются исключительно на прямых значениях отдельных компонентов. Следовательно, если идиома содержит определенным образом маркированный компонент (будь это архаичное слово, имя собственное, слово-реалия, номинация персонажа "народной мифологии" и т.п.), это влияет на ее восприятие. Что касается приемов осложнения формы, то их роль в создании специфически национального колорита довольно очевидна. Поскольку использование таких приемов фиксирует внимание на языковой форме, употребление соответствующих фразеологизмов активизирует поэтическую функцию языка (в смысле Р.О. Якобсона [Jakobson 1960]), то есть языковой знак указывает не только на свой денотат, но и на самого себя. Таким образом, в фокусе внимания оказывается не только означаемый фрагмент действительности, но и его идиосинкретичное означающее, что и создает впечатление неповторимости данного выражения.

2.2. НАЦИОНАЛЬНО МАРКИРОВАННЫЕ ИДИОМЫ В ТЕКСТЕ

Любое свойство единиц языка должно тем или иным образом проявляться в тексте. Следовательно, для того, чтобы убедиться в реальности некоторого гипотетически постулируемого свойства, целесообразно обратиться к текстам. Применительно к обсуждаемому здесь свойству – национальной маркированности фразеологических единиц – это означает, что текст, подчеркнуто стилизованный под традиционно-сказочную манеру, должен обнаруживать фразеологизмы (идиомы и паремии), обладающие описанными выше признаками (ср. 2.1).

В качестве материала, который позволил бы проверить эту гипотезу в первом приближении, мы выбрали соответствующим образом стилизованные главы из романа Саши Соколова "Между собакой и волком" (такие, как "Зайтильщина", "Дзынзырэлы", "От Ильи Петрикеича"). Используемый в романе модус повествования в значительной степени ориентирован на постмодернистскую эстетику, что предполагает сгущение языковых средств вплоть до пародирования приема. В этом отношении "Между собакой и волком" представляет собой идеальный материал для исследования зависимости реализации художественных целей от выбираемых средств языка, в том числе фразеологии. Намеренное противопоставление различных манер повествования и стоящих за ними фиктивных рассказчиков в отдельных главах позволяет говорить о неслучайном характере различий в употреблении фразеологизмов. Если в таких главах, как "Ловчая повесть" или "Картинки с выставки" фразеологизмы интересующих нас типов практически не представлены, то текст глав, написанных в "народной" манере, подчеркнуто перегружен идиомами, обнаруживающими нестандартные особенности формы. В этих главах представлены идиомы с уникальными и квазиуникальными компонентами (16), с нестандартными морфологическими формами компонентов (17), с именами собственными (18), со словами-реалиями (19), а также идиомы, в организации формы которых участвуют такие факторы дополнительного осложнения, как рифмирование, аллитерация, ассонансы и т.п. (20):

- (16) сбить с *панталюку*, не *ахти*, выделывать *мыслете*, я вся *недолга*, вывести всю *подноготную*, с *покону* веков, на *шермака*, *сума переметная*, и в *заводе* нет чего-л., *калики* переходжие, как *тать*, хоть бы *хны*, точить *лясы*, почем фунт *лиха*, *семо* и *овамо* (Последняя идиома дана в форме *семо-овамо*: Не удивляйтесь, зимой эта публика так и снует *семо-овамо* (...));
- (17) *вынь да положь*, темна вода во *облацех* (Последняя идиома представлена игровым контекстом: Бог с ней, думаю, пускай гремит, *скрытная вода во облацех*, авось пронссет.);
- (18) *кондрашка* хватил кого-л. (Несколько нестандартная форма, в которой представлена эта идиома, подчеркивает антропонимический характер субстантивного компонента: (...) и *Кондратий* ее с испугу *хватил*.), наобум *Лазаря*, каким *Макаром*, *Федот* да не тот;
- (19) не *лаптем* *ици* хлебать, с *суконным* рылом в *калашный ряд* (Последняя идиома представлена в нестандартной форме: (...) нам ли с *нашими* *бестолковыми* *мосяками* в *калашный ряд* (...).)
- (20) *явился-не запылдился*, днем с огнем не сыскать, и смех и грех, горе горевать, огород городить, ни брат ни сват (в форме: *Брат и сват* я кому-то (...)), ни дать ни взять, салом по сусалам, ни кожа ни рожа, наш пострел везде поспел, ни шатко ни валко, тишь для гладь, *ищи-свищи*, *взятки* гладки с кого-л., с боку припеку.

В последней группе фразеологизмов отдельно могут быть выделены рифмованные присказки, которые, по-видимому, в наибольшей степени ощущаются как национально маркированные единицы: *моряк с печки бряк, живем – хлеб жуем, снова – здорово*. Ряд идиом обнаруживает одновременно несколько обсуждаемых признаков: ср., *Федот да не тот* (имя собственное + рифмирование), *сикось-накось, шуточки-дрючки, с бухты-*

барахты, шуры-муры, тити-мити 'деньги', *тяп да ляп, тары-бары* (рифмование + уникальные компоненты).

Косвенным доказательством того, что нестандартность формы способствует созданию эффекта национальной окрашенности, является тот факт, что в контекстах нестандартных употреблений усиливаются именно эти признаки. Так, уникальные компоненты идиом *попасть впросак* и *бить баклуши* даются в формах, подчеркивающих их необычность (21–22), причем в последнем случае (22) идиома появляется в контексте, построенном на аллитерациях и содержащем малопонятную форму *обаچه*. Содержащая рифмованные компоненты идиома *ни кола ни двора* помещается (в эллиптической форме) в рифмованный контекст, изобилующий аллитерациями и ассонансами (23).

(21) (...) а у ребяток с валенками *просак*; Быть безысходно в *просаках* – Ильи Джынжирелы удел.; И опять я в *просаке*, когда, гордясь, поручику советую в билет заглянуть.

(22) Много бродил я, трудился и выбивался из жил, *обаче* более бил *баклухи*.

(23) Нет у Коли–Николая *ни кола*, / Лишь *костылики*. И валит, валит снет. / Непогода. И *галдят колокола*, / И летят куда-то *галки* на ночлег.

Усиление приема имеет место также и в контекстах, содержащих более одной идиомы с рассматриваемыми признаками в пределах одного предложения:

(24) Скорбно и Зимарь-Человеку жену губить, но и он от решенья не отступает. Жаль тебя, он ей плачется, топить ведь везу. А не вез бы, она ему, шельма ветхая, совет подает, сколь годов, оглянись, вместе отбыто. Да вот то-то и оно, Зимарь сегует, столь годов, что терпеть тебя ни дня более не могу, опостынула. Но прошу, продолжает, в положенье мое войди и зла на олуха не держи особенно. Что уж там, она ему отпускает грех, *вольному воля, охулки на руку не клади*, только и ты дружочек, не обессудь: вероятно обеспокою порой. Не обязательно, говорит, еженощно жди, ну, а все-таки, нет-нет да и загляну постращать.

(25) *Сбили, сбили с панталыку* Илью, очутился он *с боку припеку*, потешается публика над его субботами.

Понятно, что делать какие бы то ни было серьезные выводы на основе анализа одного произведения преждевременно, так как отмеченные характеристики могут объясняться особенностями индивидуального стиля данного автора. Для получения более объективной картины желательнее просмотреть материал по крайней мере еще одного художественного произведения, сопоставимого по манере повествования. Для этих целей мы обратились к материалу "Блохи" Евгения Замятина – пьесы, представляющей собой инсценировку "Левши" Лескова. Поскольку известно, что "Блоха" является одним из блестящих образцов сказовой манеры, естественно предположить наличие в тексте национально маркированных языковых средств, в том числе и фразеологизмов.

Анализ текста подтверждает это предположение. При всем различии художественных задач, решаемых в "Блохе" и "Между собакой и волком", оба текста (хотя и в разных пропорциях) обнаруживают фразеологизмы одних и тех же типов. В пьесе Евг. Замятина представлены идиомы с уникальными компонентами (*ни за (по)нюх табаку, хоть бы хны, ни синь-пороху, распустить нюни, иди ты к ляду*), с именами собственными (*Митькой звали*), со словами-реалиями (*не лаптем щи хлебать*), фразеологизмы, построенные на звуковом подобии (*тяп-ляп, ревя реветь*). Особенно широко представлены рифмованные присказки, ср. в одном кармане – *блоха на аркане, а в другом – мощи тараканы; ни свету, ни совету, ни толку нету; сани до Казани, язык до Киева; жизнь наша – копейка, судьба – индейка*.

В ряде контекстов признак акцентуации формы усиливается с помощью дополнительных приемов, ср. помещение идиом *авось да небось, (не) лаптем щи хлебать* в контекст присказки (26–27).

- (26) А ось! А это слышал: *авоська веревки вьет, небоська петли затягивает?* Нет, вы мне толком скажите: чего вы такое сделаете?
- (27) Захвастали англичане – ну прямо не продыхнешь. У вас-де, говорят, ни свету, ни совету, ни толку нету. У вас-де, говорят, *лантем щи хлебают, гвоздем хлеб ковыряют...*

3. НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Заканчивая рассмотрение национально маркированных фразеологизмов, следует подчеркнуть, что между свойством национальной специфичности и выделенными выше признаками нет взаимно однозначного соответствия. Так, достаточно очевидно, что, например, не все идиомы, содержащие уникальный компонент, ощущаются как "специфически русские". С другой стороны, можно представить себе ряд идиом, не обнаруживающих обсуждаемых здесь признаков и тем не менее воспринимаемых как национально специфические явления, ср. встречающиеся в "Блохе" и "Между собакой и волком" идиомы *зубы заговаривать, от греха подальше, разуть глаза, ляжку тянуть, достаться на орехи, кто-л. не дышло кроен, не лыком шит, не дулей делан*⁵ (ср., например, (28–29)).

- (28) Умные хвалили, дураки хаяли, потому – кроме поехи – кой-кому доставалось на орехи, чего и вам желаю. [Евг. Замятин. Блоха]
- (29) А вы как думали, я скажу, полагали – *лыком я шит, дулей делан?* надеялись – мякина у точильщика в котелке? [Саша Соколов. Между собакой и волком].

В ряде случаев национальные коннотации фразеологизмов, не содержащих соответствующих особенностей плана выражения, могут быть объяснены их "этимологической памятью" (о влиянии "этимологической памяти" на прагматический потенциал слова см. [Апресян 1995: 171–172]). Если идиома или пословица ощущается носителями языка как возводимая к традиционной "народной речи" или произведениям фольклора, она может обнаруживать сходные ограничения на употребление. Ср. фразеологизмы с пометой *folk* или *folk poet* в словаре [REDI], например: *жил-был, буйная головушка, завить горе веревочкой, моченьки нет/не стало, одна радость в глазу*. Значение пометы *folk poet* описывается следующим образом: "*folk poet (folkloric poetic)* – фольклорно-поэтическое; фразеологизм пришел из устного народного творчества, особенно из сказок, и сохраняет в той или иной степени фольклорный поэтический колорит" [REDI 1997: xix]⁶. Поскольку в круг описываемых здесь явлений из числа подобных фразеологизмов попадают только единицы с живой "этимологической памятью", фольклорная мотивированность которых ощущается на синхронном уровне, параметр фольклорного происхождения также не может рассматриваться как надежный критерий. Более того, он обладает, по-видимому, меньшей предсказующей силой, чем критерий нестандартности формальной организации фразеологизма.

В целом можно говорить лишь об определенных тенденциях, помогающих в первом приближении очертить круг явлений, претендующих на национальную маркированность. Может возникнуть вопрос, насколько оправдана подобная постановка задачи. Представляется, что выделение и описание национально маркированных лексических единиц (как фразеологизмов, так и отдельных слов) поможет вскрыть некоторый относительно самостоятельный аспект их плана содержания. Целесообразность подобной задачи на чисто практическом уровне вытекает из необходимости последовательной дифференциации лексических единиц по этому признаку. Не обсуждая

⁵ Впрочем, и в этих случаях может быть отмечена некоторая необычность компонентного состава. Так, слова *дышло*, *лыко* и *дуля* воспринимаются как устаревающие, а в идиоме *зубы заговаривать* может быть обнаружен намек на аллитерацию. В последнем случае (как и для идиомы *тянуть ляжку*), однако, более значимыми оказываются факторы "этимологической памяти" (см. ниже).

⁶ Значение пометы *folk*, реально используемой в [REDI], не эксплицируется в предисловии к этому словарю.

здесь вопрос о способах представления информации этого типа и соответствующих элементах метаязыка, отметим, что существующие фразеологические словари практически игнорируют данные различия. Например, и в [ФСРЯ] и в [REDI] идиомы *к черту* и *к лешему* даются как варианты с идентичным значением и идентичными стилистическими характеристиками (*прост.* в [ФСРЯ] и *highly coll.* в [REDI]). Между тем, контексты типа (30) показывают, что замена выражения *к лешему* выражением *к черту* ведет к определенным изменениям тональности повествования.

(30) (...) а там постреливают, там – командир бравадный, шагом марш, разорвется, не то – пристрелю. Ничего не попишешь – пришлось шагать, ну и оторвало, конечно, и выбросило *к лешему* за фашины. [Саша Соколов. Между собакой и волком]⁷.

Идиомы типа *к лешему* воспринимаются на фоне своих более употребительных и нейтральных синонимов как дополнительно маркированные. Поскольку подобные особенности лексических единиц желательно каким-то образом фиксировать в словарях, описание соответствующего аспекта плана содержания представляется разумной задачей и с собственно лексикографической точки зрения. Пометы типа *фольклорное* и *фольклорно-поэтическое* не выполняют этой функции, так как ориентируются скорее на происхождение фразеологизма, чем на особенности его употребления. Так, среди фразеологизмов, маркированных в [REDI] как *folk* или *folk-poet*, отсутствует большинство обсуждаемых в этой статье единиц. Совпадения наблюдаются в основном в тех случаях, когда фразеологизм содержит один или несколько релевантных формальных признаков (таких, как рифмование, уникальные компоненты, нестандартные морфологические формы), ср. *ни в сказке сказать, ни пером описать*; *в тридевятом/тридесятом царстве/государстве*; *в некотором царстве, в некотором государстве*; *пир на весь мир*; *забубенная головушка*; *змея подколотная*; *по белу свету*.

По-видимому, ни один из внешних по отношению к плану содержания признаков (будь то особенности компонентного состава или происхождение фразеологизма) не в состоянии с полной уверенностью предсказать его поведение в речи. Ограничения, связанные с национальной маркированностью, не являются в этом смысле исключением. Новизна предложенных в данной статье эвристик состоит прежде всего в том, что, помимо таких самоочевидных признаков, как фольклорное происхождение фразеологизма или наличие в его составе слов-реалий, в круг релевантных с данной точки зрения явлений вводится ряд признаков, не обсуждавшихся ранее в этом контексте. Необходимо еще раз подчеркнуть, что в силу ограниченности рассмотренного в статье эмпирического материала наши наблюдения не могут претендовать на статус окончательных выводов. Цель данной работы видится прежде всего в постановке проблемы и обсуждения соответствующих гипотез в первом приближении⁸.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю.Д. 1995 – Коннотации как часть прагматики слова (лексикографический аспект) // Избранные труды. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Баранов А.Н., Добровольский Д.О. 1996 – Идиоматичность и идиомы // ВЯ. 1996. № 6.
- Добровольский Д.О. 1997 – Национально-культурная специфика во фразеологии (I) // ВЯ. 1997. № 6.
- Лотман Ю.М., Пятигорский А.М. 1992 – Текст и функция // Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. Т. 1. Таллинн, 1992.
- Райхштейн А.Д. 1980 – Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. М., 1980.
- Телия В.Н. 1996 – Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.

⁷ В данном контексте употребление идиомы *к лешему* дополнительно мотивировано логикой звукоряда (в частности, аллитерациями на *-и-*).

⁸ Первый вариант статьи был прочитан Ю.Д. Апресяном, В.П. Григорьевым, С.Е. Никитиной и А.Я. Шайкевичем, которым автор выражает искреннюю благодарность.

- ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. 4-е изд., стереотип. М., 1986.
- Cacciari C., Glucksberg S.* 1991 – *Understanding idiomatic expressions: The contribution of word meanings // Understanding word and sentence.* Amsterdam etc., 1991.
- Cacciari C., Rumiati R.I., Glucksberg S.* 1992 – *The role of word meanings, transparency and familiarity in the mental images of idioms // Proceedings of IDIOMS.* Tilburg, 1992.
- Dobrovolskij D.* 1995 – *Kognitive Aspekte der Idiom-Semantik. Studien zum Thesaurus deutscher Idiome.* Tübingen, 1995.
- Dobrovolskij D., Piirainen E.* 1997 – *Symbole in Sprache und Kultur. Studien zur Phraseologie aus kultursemiotischer Perspektive.* Bochum, 1997.
- Eismann W.* 1995 – *Pragmatik und kulturelle Spezifik als Problem der Äquivalenz von Phraseologismen // Von der Einwortmetapher zur Satzmetapher.* Bochum, 1995.
- Jakobson R.* 1960 – *Linguistics and poetics // Style in language.* Cambridge, Mass., 1960.
- REDI – *Lubensky S.* Random House Russian-English dictionary of idioms. N.Y., 1995 = *Лубенская С.* Русско-английский фразеологический словарь. М., 1997.
- Segura Garcia B.* 1997 – *Kulturspezifische Phraseologismen in literarischen Texten und ihre Interferenzen beim Übersetzen vom Spanischen ins Deutsche // Phraseme im Text: Beiträge aus romanistischer Sicht.* Bochum, 1997.